

ЭСТЕТИКА

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭСТЕТИКИ ПЛАТОНА

Синицкий Дмитрий Анатольевич

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных наук ИАТЭ НИЯУ МИФИ
 Обнинский институт атомной энергетики НИЯУ МИФИ
 249040, Россия, Калужская обл., г. Обнинск, Студгородок 1
 E-mail: das_sid@mail.ru*

LOGICAL FOUNDATION OF PLATO'S AESTHETICS

Dmitriy Sinitskiy

*candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences,
 Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering (IA TE MEPHI),
 249040, Russia, Kaluga region, Obninsk, Studgorodok 1*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются интеллектуальные операции и методы, являвшиеся логическим основанием эстетики Платона. По мнению автора, в первую очередь к ним относятся операции определения понятий и терминов языка, операции обобщения, ограничения, деления понятий, классификационные и вопросно-ответные процедуры.

ABSTRACT

The article deals with intellectual operations and methods of the logical foundation of Plato's aesthetics. According to the author, most notably these include the operation of definitions of concepts and language terms, the operation of generalization, the operation of concept restriction, the operation of concept division, classification and question-answer procedures.

Ключевые слова: вопросно-ответная процедура, дискурс, мереологическая иерархия, онтология, определение, родо-видовая иерархия, эстетика Платона.

Keywords: question-answer procedure, discourse, mereological hierarchy, ontology, definition, genus-species hierarchy, Plato's aesthetics.

Общеизвестно, что эстетическая теория в полисной Греции зарождается и развивается как аспект и часть философской теории. Эпоха зрелой или высокой классики (середина 5 в. до н.э. – конец 4 в. до н.э.) отмечена формированием таких многоплановых философских систем и доктрин, как философия Платона и Аристотеля. В истории эстетики этот период вслед за А.Ф. Лосевым очень часто называют периодом эйдологической эстетики.

Философское содержание платоновских сочинений чрезвычайно многообразно — читатель может найти в них практически все аспекты философской проблематики: развернутую онтологию, философскую антропологию, учение о душе и теорию личности (психологию), эпистемологию (теорию познания), этику и социальную философию.

Эстетическая проблематика легко реконструируется из прочтения таких сочинений Платона, как «Федр», «Софист», «Пир», «Гиппий Большой», «Государство», «Законы» и др. [5] — [8]. Применительно

к этой проблематике, также можно выделить различные аспекты эстетики — эстетическую онтологию, теорию эстетического восприятия, концепцию искусства и эстетического творчества, теорию эстетического воспитания. Это свидетельствует о достаточной развитости эстетической теоретизации, которую мы находим у Платона по сравнению с предшествующими периодами истории античной эстетики. Все эти аспекты эстетической теоретизации объединяет не только авторство, но более общий концептуально-методологический подход, с которым обычно и ассоциируется «эйдологическая эстетика». В данной статье делается попытка выявления некоторых логических оснований платоновской эстетической теоретизации.

Начнем мы с упоминания общих и известных положений относительно источников платоновской философии. Большинство исследователей творчества Платона сходятся во мнении относительно источников влияния на его философский генезис, к которым

относят прежде всего Сократа, пифагорейцев и элеатов. Пифагореизм и элейская школа были несомненными источниками космолого-онтологических представлений Платона, центральное место в которых занимает иерархически устроенных Космос, подчиняющийся принципам геометрико-числовой гармонии, соразмерности и фрактальности. Именно от пифагорейцев идет учение Платона о роли «совершенных» трехмерных тел (многогранниках), которую они играют в эстетическом совершенстве Космоса, мереологическая устроенность которого определяется такими телами.

В этой онтологической иерархии у Платона находится место и Демиургу (создателю, творцу, мастеру, ремесленнику) этого космоса, и совершенно особому миру — умопостигаемому и при этом обладающему статусом онтологического существования — миру платоновских эйдосов-идей. Более того, сфера эстетического у Платона совпадает с его онтологией и по сути представляет собой иерархию красоты. Подлинно прекрасное совпадает с миром эйдосов-идей, где на вершине этой иерархии находится идея блага. Итак, к структурным особенностям сферы прекрасного относятся ее иерархически-мереологическая устроенность и сверхчувственный характер.

Эти платоновские онтологические конструкты исследователи его творчества буквально восстанавливают из текстов его произведений, поскольку говорить о сколько-нибудь последовательном изложении Платоном именно конструктивного онтологического описания картины мира не приходится, но мы имеем различные по времени написания тексты, большей частью это диалоги, в которых онтологические описания буквально встроены в диалогические и монологические рассуждения наряду с другой проблематикой.

Очень часто такие описания делаются Платоном в мифологически-образной манере изложения, аллегорически-иносказательно. Отсюда становится понятным наличие того многообразия в интерпретациях платоновской онтологии, которое накопилось в истории философии (и в истории эстетики в частности) за почти двух-с-половиной-тысячелетнюю историю его изучения, прочтения и осмысления. Что же касается образности и мифологичности, то, на наш взгляд, А.Ф. Лосеву убедительно удалось показать и доказать вторичный, реконструктивный характер этой мифологичности у самого Платона, который при наличии определенных концептуально-теоретических построений, пытается довести эти построения до читателя с помощью такой мифологической образности, делая как бы возврат от логоса к мифотворчеству. (См. напр. [3].)

Центральная часть эстетики Платона своим методологическим источником имеет философию Сократа. Вспоминая Сократа в качестве учителя Платона, отметим его влияние прежде всего в плане философской методологии. То, что сам Платон называл диалектикой, а Сократ — майевтикой — это термины, по сути, обозначающие понимание ими философии как живого вопросно-ответного дискурсивного процесса. Для Сократа на первом плане осталась

известная традиция живой устной беседы (и соответственно технология построения такой беседы — «техне» философа), Платон же попытался зафиксировать сократическую беседу в тексте диалога, тем самым увековечив ее для потомков.

Напомним, что существенной составной частью майевтики Сократа (майевтика по Сократу — искусство родовспоможения истины) было соединение вопросно-ответной процедуры с процедурой построения определений (дефиниций) интересовавших собеседников понятий (и, соответственно, терминов, их выражающих в языке). При этом Сократ стремился к формулировке такого вида определений, которые чаще всего встречаются в логической практике людей и называются атрибутивно-реляционными определениями через род и видовое отличие. Подобная логическая операция основана на установлении родо-видового отношения между понятиями — определяемым и одним из определяющих. Последовательность подобных определений позволяет систематизировать набор обсуждаемых собеседниками понятий в понятийную структуру, называемую родо-видовой иерархией. Обычно подобные определения осуществляются параллельно с еще несколькими логическими операциями, а именно операциями обобщения понятия (переход к родовому понятию с более широким объемом), ограничения понятия (обратная операция перехода к видовому понятию с менее широким объемом), деления понятия (операция перехода к набору видовых понятий, выполняющих ряд требований по отношению к их объемным характеристикам), классификации — пошаговым деления понятий. Отдельно имеет смысл упомянуть и так называемые апофатические или отрицающие определения, которые впоследствии составят логико-методологическую основу традиций апофатического богословия, восходящих к (Псевдо-)Дионисию Ареопиту. У Сократа подобные определения строились в качестве итогового результата аргументаций, опровергающих корректность определений, предлагаемых собеседником. Собственно, логическая технология сократовской майевтики в основном и сводилась к поиску подходящих видовых или родовых понятий в рамках конструируемой в процессе вопросно-ответной процедуры родо-видовой понятийной иерархии.

Отметим, что практика подобных дискурсивных процедур свидетельствует о том достаточно высоком уровне логической культуры, которого достигла древнегреческая ментальность ко временам Сократа и Платона. «Любовь к мудрости» выражалась во все более систематизированной выработке понятий и суждений и их организации в понятийные иерархии, наряду с развитием умения обосновывать статус этих понятийных иерархий доказательственным образом, через процесс построения рассуждения и аргументации. При этом следует помнить и о совершенствовании методов и способов выражения таких понятийных конструкций, иерархий и систем иерархий, а также процесса обоснования, рассуждения и доказательства в языке, прежде всего с помощью той си-

стемы дискурсивных, коммуникативных и аргументационных практик, которая сложилась именно в Древней Греции и стала характерной чертой культуры античного полиса. Именно там и именно тогда три важнейших компонента развития философского мышления слились воедино и стали характерной чертой античной эстетической мысли — это, во-первых, концептуализация, то есть выработка все более и более обобщенных и абстрактных понятий с уточненными объемами и содержаниями и организация их в виде иерархий, прежде всего на основе родовидовой упорядоченности; во-вторых, вербализация, то есть закрепление этих понятий в виде устоявшихся смыслов за терминами языка; в-третьих — теоретизация, то есть придание таким понятийным иерархиям, а также системам суждений, выражающих связи между понятиями, а также системам высказываний, выражающих системы суждений в языке, статуса обоснованного знания, где способы обоснования все более и более основываются на системах определений, доказательственных процедурах и аргументационной технике.

Сказанное во многом объясняет иерархичность тех онтолого-эстетических построений, которые реконструируются из текстов Платона. (См. напр. [1] — [4] и, конечно, [5] — [8].) Однако здесь надо отметить еще одну особенность подобных иерархических построений. Это — онтологизация сферы логического, то есть наделение статусом онтологического существования логических объектов, таких, как понятия (а это наши мысли определенной логической структуры) и понятийные родо-видовые иерархии. Будучи результатом логических операций, подобные ментальные структуры относятся к сфере мышления, однако люди (и не только во времена Сократа и Платона) часто делают ошибку, связанную с подменой родо-видовой понятийной иерархии структурой другого типа, хотя также иерархической — мерееологической иерархией, основанной на реальных отношениях типа «часть-целое», существующих между объектами, относящимися к сфере бытия. Подобная путаница (хотя не только она одна) часто приводит к эффекту, который называют «онтологизацией сферы логического», в частности, когда родо-видовая понятийная иерархия принимается за мерееологическую иерархию онтологических объектов, основанную на отношении «часть-целое», и наоборот. Здесь отметим только, что соотношение между двумя типами иерархий значительно более сложное и требует более углубленного логического анализа, выходящего как за рамки данного текста, так и за пределы традиционной логической теории понятия.

Однако будем все же более снисходительными к Платону и его современникам, которые делали еще только первые шаги (хотя и гигантские) в сторону философской концептуализации и логико-методологической строгости, зачастую не дифференцируя (и уж тем более не противопоставляя) субъективное и объективное, теорию, ее язык и ее онтологию, чувственное, образное и абстрактно-понятийное, не отличали отношение «род-вид» от отношения «часть-

целое» и т.д. и т.п. Буквально вся используемая Платоном терминология свидетельствует об этом.

Позволим привести следующую цитату, в которой А.Ф. Лосев подчеркивал, что ««Род» (genos) и «часть», или «момент» (meros, moricon), употребляется у Платона отнюдь не всегда только в чисто формалистическом виде или как «физическая часть». «Род» и «вид» в смысле формальной логики у Платона употребляется довольно часто... Однако, несомненно, под «родом» у Платона очень часто понимается особая квалификация предметной сущности — тогда, когда говорится, например, о «роде небесных богов» (Tim. 40a), о «божественных родах светил» (Epin. 981e), о «роде философов» (R.P.VI 510e), о «благородных» родах (Alcib.I 120e), о «человеческих» родах (Phaed. 82b, Conv. 189d, Tim. 75b), о родах «живых существ» (Theaet. 153b), о «корыстном ряде софистов» (Soph. 226a) или о роде «смертных» (Tim. 70e). Имеются тексты и о философско-диалектическом сопоставлении «родов и видов» (Parm. 129c, 134b; Soph. 253b, 254b; Politic. 262e, 288e). Точно так же и термин «часть» (meros), — об элементарно-вещественном значении этого термина у Платона говорить не будем, — как это нам удавалось не раз отмечать при чтении Платона, ровно ничем не отличается от того термина eidos, который хотя тоже употребляется у него в формально-логическом значении «вид» в противоположность «роду», тем не менее очень часто имеет значение того, что нужно понимать под идеей в платоновском смысле слова. Когда Платон говорит в «Федре» (265e) о «расчленении идей на составные, согласно с их природой, части», или что «малую часть, одну, при выделении, не должно противопоставлять большему и многим, без вида: часть (morion) пусть вместе имеет и вид» (Politic. 262b), или о связи части и эйдоса (262e; ср. 263b, 265c), или о четырех принципах в «Филебе» (30b, ср. о душе и теле как о «частях» всего мироздания, Legg. X 904) как о «великих частях», то делается совершенно ясным, что под словом «часть» Платон иной раз вовсе не понимает «часть» в обычном смысле слова, но связывает его со своим общим учением об идеях, так что «часть» иной раз весьма мало отличается от «эйдоса»».[3, с.535-536.]

Отдельного обсуждения требует понимание и использование Платоном таких специфических терминов, являющихся ключевыми в его эйдологической эстетике (и в его философии вообще), как «эйдос» — буквально «вид», и «идея» — буквально «то, что видно», и других, связанных с ними. Собственно, именно своеобразное платоновское использование этих терминов и их понятийное смысловое наполнение, поставили Платона в центр философского внимания и дискуссий, которые ведутся в истории философии не одну сотню лет между различными школами и направлениями.

Хотя, как писал тот же А.Ф. Лосев, «...платоновская идея всегда трактовалась как особого рода бытие, как особого рода субстанция, противостоящая простому логическому абстрагированию или беспочвенным мечтаниям. Эта субстанциальная сторона

платоновской идеи и заставляла мыслить ее как особого рода действительность, которая в популярном мышлении представлялась в виде чего-то заоблачного, чего-то небесного или занебесного, в виде чего-то божественного и мистического. А так как латинское слово «субстанция» переводится на греческий язык как «ипостась», то часто говорили о платоновских идеях как о гипостазированных понятиях. Однако ... вся эта заоблачность и занебесность, вполне свойственная самому Платону, часто раздувалась до антиплатоновских размеров.» [3, с. 160]

Мы же в заключение еще раз отметим, что логическими основаниями платоновской эйдологической

эстетики, как и платоновской онтологизации сферы логического, служили те логические операции, процедуры и методы, которые связаны с понятийным конструированием знания и его обоснованием в рамках развившихся к тому времени дискурсивных практик — прежде всего операции определения понятий и терминов языка, операции обобщения, ограничения, деления понятий и классификации, достаточно характерная для многих естественных языков операция субстантивации за счет образования из прилагательного имени — имени существительного, а также вопросно-ответные процедуры.

Список литературы:

1. Гильберт К., Кун Г. История эстетики. Кн.1., Пер. с англ. 2-е изд. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. — 348 с.
2. Кондрашев В.А., Чичина Е.А. Этика. Эстетика. — Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1999. — 512 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. — М.: Издательство «Искусство», 1969. — 716 с.
4. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли. Учеб. Пособие. — М.: «Высшая школа», 1978. — 352 с.
5. Платон. Сочинения в трех томах. Перевод с древнегреческого. Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Серия: Философское наследие. Т1. — М.: Мысль, 1968. — 623 с.
6. Платон. Сочинения в трех томах. Перевод с древнегреческого. Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Серия: Философское наследие. Т2. — М.: Мысль, 1970. — 611 с.
7. Платон. Сочинения в трех томах. Перевод с древнегреческого. Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Серия: Философское наследие. Т3. Часть 1. — М.: Мысль, 1971. — 688 с.
8. Платон. Сочинения в трех томах. Перевод с древнегреческого. Под общей редакцией А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Серия: Философское наследие. Т3. Часть 2. — М.: Мысль, 1972. — 678 с.